

Образование в культуре постмодерна: кризис результативности

Научный руководитель – Можейко Марина Александровна

Севастов Кирилл Валерьевич

Аспирант

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

E-mail: kirillsevastov@gmail.com

Состояние современной культуры нестабильно как никогда ранее. И основной причиной такого положения вещей является то, что традиционные установки не вписываются в культурный контекст современности. Рассматривая образование как феномен культуры и социальный институт, важно определить: комплекс накопления и передачи культурного опыта проходит сложный этап [U+F02D] быстрота смены культурных слайдов внутри кризисного коллапса слишком высока и хаотична, чтобы образование было в состоянии вобрать в себя и впоследствии протранслировать полученную информацию. Безусловно, культурный опыт передается, но его актуальность находится под вопросом. Так, образование достигло определенной цикличности: ограниченное временем обучения, оно рискует потерять всякую легитимность, т. к. приобретенные некогда знания могут просто не рефлексировать на состояние культуры в настоящее время. Современное состояние культуры побуждает образование как инструмент культурной трансляции к постоянному, пусть и не полному, но обновлению на протяжении всей жизни субъекта. Важно отметить, что так было не всегда. В Средневековье образование заключалось в понимании и воспроизведении текстов. В то время как последующее интерпретированное толкование было вовсе не обязательным для того, чтобы считаться человеком образованным. Умеющий понимать и воспроизводить тексты автоматически причислялся к обладателям знания. Популярностью пользовались диспуты и зачастую на спонтанные темы, которые могли предложить сами обучающиеся. Во время диспута знания не возводились в абсолют – ценилась убедительность доводов, т. е. превосходство в диспуте получал тот, кто был более убедителен, а не тот, кто знал больше. В Новое время происходит кардинальный сдвиг в материальной и духовной жизни общества и вектор меняется [U+F02D] устремлением уже становятся именно такие знания, которые бы могли подвергаться сомнению и пересмотру, т. к. религиозные постулаты предыдущей эпохи, на которых основывалось образование, уже не были достаточным аргументом. Философского познания мира становится недостаточно. Сопряженная с практикой, возникает наука и, как следствие, эмпирическое знание. Новейшее время все больше стремится к культурной массовости. Теперь за необходимостью субъекта в толковании текста следует необходимость в творческой составляющей – рефлексии, которая исключительно субъектна по своей сути и массовой быть не может. Таким образом, образование – как инструмент культуры – все больше утверждается в форме индивидуализированного. Так, «революции в образовании» становятся следствием смены ведущего типа знания и обретения им статуса фундаментального [1]. Эпоха информатизации ознаменована колоссальным количеством информации, ее постоянным обновлением и быстрым устареванием. По причине кризисного состояния культуры в целом, субъект испытывает постоянную необходимость в обновлении информации, возводя ее в разряд актуальной. Информатизация – процесс массовый. Соответственно, динамика культуры, ввиду изменения социальных структур, вынуждает и образование быть массовым. Но из-за субъектной необходимости в постоянном обновлении информации из этого следует прямая потребность в образовании на протяжении всей жизни. В то же время массовость, к которой стремится культура, ограничивает творческую составляющую рефлексии. А

именно: информатизация создает шаблонность и медийность, пытаясь вывести рефлексию за пределы личного контекста, а это противоречит с субъектно-ориентированной особенностью рефлексивного процесса. В контексте анализа кризиса образования важно уделить внимание постмодернистской критике знания, которое несет в себе не только резкий скептицизм в отношении истинности знания как такового, но и определенную долю сомнения относительно достижения истины, истинного описания реальности. Рассматривая образование как процесс формирования определенных характеристик личности посредством передачи накопленного опыта, важно отметить, что этот процесс предполагает коммуникацию, а значит и социален по своей сути. Так, Н. Луман определяет социальный процесс в целом как коммуникацию [3]. По его определению, коммуникация не межсубъектна, а исключительно внутрисоциальна. А именно: субъект не коммуникативен по своей сути. Коммуникация существует только внутри общества и только общество коммуникативно. Также, выйти за пределы общественной структуры для коммуникации не является возможным [U+F02D] без нее невозможно существование самого общества [4; 5]. Определяя подобную парадоксальность, Н. Луман отмечает, что коммуникация не является передачей знания, а существует лишь для своего рода рекомбинации от незнания к знанию и наоборот. В то же время Ж.-Ф. Лиотар подвергает критике концепцию Н. Лумана, исходя из парадигмы заката метанарраций и метода языковых игр, который в свою очередь подразумевает использование речевых оборотов с присущим желанием успеха (превосходит тот, кто использует речевые конструкции лучше). Таким образом, формализация постмодернизмом языковых игр в образовании регрессивна: происходит возврат к диспуту. Так, сформулировав данную идею в рамках своей методологии, Ж.-Ф. Лиотар определяет исключительно прикладную функцию образования, возводя ее над такими функциями, как культурная, воспитательная, гуманистическая и др. Массовая доступность образования не ставит целью формирование элит (при этом, по словам Ж.-Ф. Лиотара, существующая модель высшего образования все еще «адресована выходцам из либеральных элит» [2, с. 119]). Это ведет, по его оценке, к доминанте образования университетского, которое формирует социальный запрос – производства «новых потребителей» [2], а не рефлексирующих интеллектуалов. Ж.-Ф. Лиотар описывает аргументацию Н. Лумана как террористическую: «Под террором понимается эффективность, полученная от уничтожения или угрозы уничтожения партнера, вышедшего из языковой игры, в которую с ним играют. Партнер будет молчать или выражать одобрение, не потому что его опровергли, а потому что его угрожают отлучить от игры (существует много видов лишения прав). Гордость лиц, принимающих решения, которым в принципе не существует эквивалента в науке, исходит от осуществления такого террора. Система говорит: “Приспосабливайте ваши ожидания к нашим целям, иначе...”» [2, с. 152]. Важно отметить, что Н. Луман и Ж.-Ф. Лиотар сходятся в следующем: современная культурная система способна находиться в состоянии функционирования при условии постепенной минимизации сложности и, как следствие, стремления к индивидуальным целям через ожидание результата – поступательное уменьшение сложности процесса запрашивает меньше времени и позитивно влияет на результативность и производительность как самоцели. Естественно, ни к чему, кроме как к кризису, данное положение вещей привести не в состоянии: все социальные системы способны существовать и прогрессивно развиваться только при условии увеличения сложности организации и внутрисистемной структуры. Когда же основной целью любого социального процесса, и образования в том числе, является поступательная минимизация усилий с целью достижения производительности во имя иных целей, значимость социального прогресса нивелируется. Это ведет к тому, что такая основополагающая цель образования, как непосредственная связь и использование знаний, умений и навыков в жизни, становится абсолютно не первостепенной. Без подобной трансляции приобретенного опы-

та посредством образования невозможно и прогрессивное развитие культуры. Исходя из этого, можно определить, что в культуре постмодерна функционирование образования не выполняет свою первостепенную функцию: оно не только не способно социализировать индивида, но и наделить его культурным опытом для последующей причастности к глобализации.

Источники и литература

- 1) Долженко О. В. Университет постмодерна: предпосылки становления и развития // Материалы V Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века». 13 – 15 ноября 2008 г.: доклады и материалы / Моск. гуманитар. ун-т ; под общ. ред. И. М. Ильинского. М., 2008. – С. 64-77.
- 2) Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб., Алетейя, 2015. – 159 с.
- 3) Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб., Наука, 2007. – 648 с.
- 4) Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал ин-та социологии РАН / пер. с нем. Д. В. Озирченко. Москва, 1995. № 3. С. 114-125.
- 5) Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М., Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.